

КНИГА АРТИНЫ

ЗЕМЛИНЫ

Сборник статей в гостях
Ирины Геннадиевны
Коноваловой

Институт всеобщей истории РАН

КНИГА КАРТИНЫ ЗЕМЛИ

СБОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ
Ирины Геннадиевны Коноваловой

Под редакцией
Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова

Москва «ИНДРИК» 2014

УДК 94
К 53

Рецензенты:
д.и.н. М. С. Петрова
д.и.н. В. Я. Петрухин

**Книга картины Земли. Сборник статей
в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой /
Под редакцией Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. —
М.: Издательство «Индрик», 2014. — 352 с.**

ISBN 978-5-91674-297-8

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен к юбилею доктора исторических наук Ирины Геннадиевны Коноваловой, зам. директора, главного научного сотрудника, зав. Отделом специальных исторических дисциплин и зав. Центром исторической географии Института всеобщей истории РАН, крупнейшего в нашей стране востоковеда, автора большого числа исследований и публикаций источников, выдающегося специалиста в области исторической географии, ответственного редактора недавно организованного ею альманаха «Историческая география». В сборник вошли статьи ее коллег и друзей, написанные по следующим направлениям: историческая география, гуманитарная и культурная география, история географии и картографии.

Для историков, географов, филологов.

В оформлении обложки использована карта ал-Идриси с изображением «Русской реки» по изданию К. Миллера (Miller K. Mappaemundi: die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1898. Bd. 6: Rekonstruierte Karten).

ISBN 978-5-91674-297-8

© Джаксон Т. Н., Подосинов А. В.,
составление, 2014
© Авторы, текст, 2014
© Окунева О. В., фотография, 2014
© Институт всеобщей истории РАН, 2014
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2014

Оглавление

Предисловие А. О. Чубарьян	7
-------------------------------------	---

СТАТЬИ

<i>В. А. Арутюнова-Фиданян</i> «Великая Армения и Ивирия»: эволюции географического содержания топонимов	9
<i>И. И. Варьиши</i> Социальный аспект освоения пространства, или Где напиться саракину?	24
<i>Т. В. Гимон</i> Новгородский перечень русских епископий	41
<i>Г. В. Глазырина</i> Путевая стратегия средневекового исландского автора	51
<i>И. Н. Данилевский</i> Восточнославянские «племенные союзы»: реальность или летописная легенда?	66
<i>Т. Н. Джаксон</i> Многозначность терминов стран света в средневековой Исландии	76
<i>И. В. Зайцев</i> Кремук ~ Кермук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этно-топонимов)	93
<i>Д. Н. Замятин</i> В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения	98
<i>Н. Ю. Замятиной</i> Картографирование открытых горизонтов: фронтир с точки зрения когнитивной географии.....	117

<i>T. M. Калинина</i>	
Ал-Бируни и Йакут: «климаты» шестой и седьмой	132
<i>C. M. Каитанов</i>	
К изучению казанской гидрографии XVI в.	143
<i>E. H. Кириллова</i>	
Город в центре мира, или «свое» и «чужое» пространство в истории французских ремесел в раннее Новое время.....	157
<i>E. A. Мельникова</i>	
Древнескандинавские представления о пространстве в зеркале языка	177
<i>A. B. Назаренко</i>	
Переяславская митрополия на Руси на рубеже XI–XII вв. (династическая и внешнеполитическая подоплека церковной географии)	192
<i>A. B. Подосинов</i>	
Место Скифии в географической картине мира древних греков до Геродота	212
<i>B. N. Стрелецкий</i>	
Культурная география как междисциплинарное исследовательское направление: пути формирования, научные традиции и современная самоидентификация	231
<i>A. A. Фролов</i>	
«Географический фактор» в организации государственных поземельных описаний конца XV — середины XVI в.	257
<i>L. C. Чекин</i>	
Крымские готы в западноевропейской картографии до начала XVIII в.	285
<i>P. M. Шукров</i>	
К вопросу о византийских моделях освоения Востока	305
<i>A. C. Щавелев</i>	
Племя северян и хазарские крепости: еще раз о geopolitике юга Восточной Европы первой половины IX века	323
Список опубликованных работ И. Г. Коноваловой	331
Список сокращений	347
Сведения об авторах	349

И. Н. Данилевский
Восточнославянские «племенные союзы»:
реальность или летописная легенда?

Практически любое историко-географическое построение, касающееся ранней истории восточных славян, опирается на текст «Повести временных лет», следующий за рассказом о разделении после Потопа земли между сыновьями Ноя и расселении славян: «...Словѣне пришедшe и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друzии Древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друzии сѣдоша межу Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; ини сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчъки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ. А друzии сѣдоша по Деснѣ, и по Сѣми, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ¹. При этом, как правило, не подвергается сомнению, что перед нами — достоверное свидетельство. Но так ли это?

Традиционно летописное сообщение рассматривается как точное указание на то, где обосновались те или иные «племена» (или, согласно другой точке зрения, «племенные союзы»²) восточных славян. Так, в фундаментальном труде украинских историков «История Украины», в полном соответствии с летописным текстом, указывается: «Племя полян заселяло Киевщину и Каневщину на Днепровском Правобережье, древлян — Восточную Волынь, северян — Днепровское Левобережье. Кроме них на территории современной Украины

¹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 6.

² «Племена» «Повести временных лет» — это не небольшие племенные коллективы, а крупные объединения, союзы племен, занимавшие значительные территории и имевшие относительно высокий уровень этнической общности» (Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 66).

проживали уличи (Южное Поднепровье и Побужье), хорваты (Прикарпатье и Закарпатье), а также волыняне, или, как их еще называли, бужане (Западная Волынь)³. Другими словами, автор приведенного текста полагает, что непосредственными предками будущих украинцев были представители летописных полян, древлян, северян, уличей, хорватов и волынян (бужан).

Гораздо осторожнее подходит к использованию летописного сообщения П. П. Толочко. Он совершенно справедливо отмечает: «Если бы мы попытались представить этническую картину восточного славянства накануне образования в них государства как сформированную основу трех нынешних народов — украинского, русского и белорусского (как это имеет место в некоторых новейших работах, преимущественно украинских авторов), ничего реалистического мы бы не получили. На территории, где сформировался украинский народ, в VII–IX вв. было фактически три группы племен, разных по своим субстратным этническим компонентам, и какую из них следует считать праукраинской, сказать сложно⁴. При этом специально подчеркивается, что перечисленные «племена» занимали территорию не только современной Украины, но также России (северяне, кривичи) и Беларуси (дреговичи, древляне, волыняне и кривичи), Польши, Словакии и Венгрии (хорваты). Причем, судя по антропологическим и археологическим материалам, в этногенетических процессах, происходивших в то время в Восточной Европе, принимали участие не только восточные славяне, но и их западные сородичи, а также балты, финны (в западном и северо-западном регионах), ирано- и тюркоязычные племена (на юге и юго-западе)⁵.

Так что представляется весьма опасным безусловно доверять уникальному известию «Повести временных лет» о том, какие «племена» составляли восточнославянскую общность. Опасения усугубляются, если вспомнить, что по мнению А. А. Шахматова, опиравшегося на разнотечения Новгородской I и Лаврентьевской летописей, оно появилось только собственно в «Повести», но отсутствовало как в «Древнейшем своде», так и в «Начальном своде»⁶.

³ История Украины: научно-популярные очерки / Под ред. В. А. Смолия. М., 2008. С. 47.

⁴ Очерки истории Украины / П. П. Толочко, Н. Ф. Котляр, А. А. Олейников [и др.]; под общ. ред. П. П. Толочко. Киев, 2010. С. 60.

⁵ Там же. С. 59.

⁶ Шахматов А. А. Повесть временных лет // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. С. 587–594.

Очевидно, данное предание было записано после нескольких столетий устного бытования. Сведения об этих «племенах» вообще прерываются на событиях, происшедших задолго до того, как они попали в летопись. Так, последнее упоминание полян датировано 6452 (944) годом⁷, древлян — 6485 (977)⁸, северян — 6532 (1024)⁹, уличей — 6393 (885)¹⁰, хорватов — 6500 (992) годом¹¹, а волыняне (бужане) вообще отсутствуют в датированной части «Повести временных лет»¹². К тому же следует помнить, что все упомянутые даты сугубо условны, поскольку проставлены они были задним числом, на рубеже 60–70-х годов XI в. Так что вся информация об этих «племенах» носит легендарный характер. Соответственно, установить, насколько точна в летописи их локализации на карте Восточной Европы, трудно (если вообще возможно).

Столь же сомнителен и рассказ об обычаях этих «племен». Как правило, историки опираются на следующее сообщение «Повести временных лет»: «Поляномъ же жиущемъ особъ... суще от рода Словѣнска, и нарекоша Поляне, а Древяня же от Словѣнъ же, и нарекоша Древляне; Радимичи бо и Вятчи от Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ: Радимъ, а другому Вятко, — и пришедъша, сѣдоста Радимъ на Сѣжю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде

⁷ «В лѣто 6452. Игорь же, совокупивъ вои многи: Варяги, Русь и Поляны, Словѣни и Кривичи, и Тѣверыцѣ, и Печенѣги наа и тали у нихъ поя, поиде на Греки въ лодьяхъ и на конихъ, хотя мѣстити себе» (Лаврентьевская летопись. Стб. 45).

⁸ «И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его. И послалъ искать брата своего. И, искавъши, его не обрѣтоша. И рече единъ Деревлянинъ: «Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша съ мосту»» (Там же. Стб. 74–75).

⁹ «Мѣстиславъ же съ вечера исполнивъ дружину. И поставилъ Сѣверъ въ чело, противу Варягомъ... И сступися чело Сѣверъ съ Варяги, и трудишася Варязи, секуще Сѣверъ... Мѣстиславъ же о светѣ заутра видѣвъ лежачиѣ сѣчены отъ своихъ Сѣверъ и Варяги Ярославлѣ и рече: «Кто сему не радъ: се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла»» (Там же. Стб. 148–149).

¹⁰ «В лѣто 6393. Посла къ Радимичемъ, рѣка: «Камо дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не дайте Козаромъ, но мнѣ дадите». И вѣдаша Ольгови по щѣлягу, якоже и Козаромъ даху. И бѣ облацая Олегъ Поляны и Деревляны, и Сѣверены, и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци имѧше рать» (Там же. Стб. 24).

¹¹ «В лѣто 6500. Иде Володимиръ на Хорваты. Пришедшю бо ему съ воины Хорватъскыя, и се Печенѣзи придоша...» (Там же. Стб. 122).

¹² «Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Вельняне... Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Вельняне» (Там же. Стб. 11, 12–13).

съ родомъ своимъ по Оцѣ, от негоже прозващася Вятичи. Иже бяху в мирѣ Поляне, и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичъ, и Вятичи, и Хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Велинняне, а Улучи Тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру или до моря. И суть гради их и до сего дыне. Да то ся зваху от Грекъ Великая Скуфъ. Имяху бо обычаи свои, и законъ оць своих и преданья, кождо свои нравъ. Поляне бо своих отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ, и стыдѣнѣе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнѣе имѣху; брачныи обычаи имяху: не хожеше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по неи что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, жиуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычаи имяху: живяху в лѣсѣ, якоже и всякии звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье в них предъ отци и предъ снохами, и браци не бываху въ них, и игрища межу селы: схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовъская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщаشهся; имяху же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху трызно надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахутъ и на кладу, мертвѣца сожъжаху, и посемь, собравше кости, вложаху в судину малу, и поставяху на столпѣ на путех, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ. Глаголеть Георгий в лѣтописаны... [далее в «Повести временных лет» следует обширная цитата из Хроники Георгия Амартола об обычаях разных народов]. Якоже се и при насть нынѣ Половци законъ держать отецъ своих: кровь проливати, а хваляще о сихъ, и ядуще мертьвчину и всю нечистоту: хомѣки и сусолы, и поимаютъ мачехи своя и ятрови, и ины обычая отецъ своихъ творять. Мы же християне, елико земль, иже вѣрюютъ въ святую Трцю, и въ едино крещенѣе, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся»¹³.

Однако здесь внимание летописца сконцентрировано на противопоставлении не столько полян и их соседей (как обычно отмечается комментаторами), сколько языческих («поганых») традиций восточных славян (имеющих «обычаи свои, и закон отец своих»), с одной стороны, и веры в Христа, христианских норм, — с другой. Отсюда, видимо, такое обилие рассказов о тех, кто «имяху бо обычай свои, и закон отец своих и преданья, кождо свои нравъ»,

¹³ Там же. Стб. 12–14, 16.

«своих отець обычай имуть кротокъ и тихъ», «закон имуть отець своих обычай», «закон же... от прадед показаньемъ и благочестьемъ», «безаконъная яко законъ отець творять независтно ни въздержанъно», «якоже се и при нас ныне... закон держать отець своих». «Язычникам» противопоставляются «хрестияне, елико земль, иже верують въ святую Троицю, и въ едино крещенье, в едину веру» «мы», которые «законъ имамъ единъ, елико во Христа крестикомся и во Христа облекохомся».

Трудно сказать, насколько точен летописец в описании языческих обычаяев восточных славян и их соседей. Тем более что в предшествующем Начальном своде, как считал А. А. Шахматов, дело вообще ограничивалось лаконичным упоминанием, будто поляне «бяху... погани, „жъруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ”¹⁴, якоже прочии погани»¹⁵, то есть вообще никакие обычай не описывались. Откуда были почерпнуты все детали, касающиеся пищи, браков, «срамословья», погребения и пр. того или иного «племени», остается только догадываться. При этом, естественно, нельзя исключать, что перед нами, действительно, упоминания неких дохристианских традиций, сохранившихся в том или ином регионе.

Во всяком случае летописные свидетельства о расселении и обычаях племен, живших на территории Восточной Европы, крайне приблизительны. Единственным надежным источником по этим вопросам являются археологические материалы. К собственно восточнославянским относят находки, связанные в V–VII вв. с так называемыми корчакской (Житомирская область) и пеньковской (лесостепная зона от Северского Донца до Правобережья Днестра, включая Среднее Поднепровье, бассейн Южного Буга и Среднее Поднестровье) археологическими культурами, а в более поздний период (VIII–IX вв.) — с луки-райковецкой (Среднее Поднепровье, Правобережье Днепра; традиционно идентифицируется с культурой предков волынян, дреговичей, древлян и полян) и волынцевско-роменской (Днепровское Левобережье; обычно связывается с северянами) археологическими культурами.

Однако ареалы распространения археологических культур не соответствуют летописным сведениям о территориях расселения тех или иных восточнославянских «племен». Достаточные основания для установления более или менее жестких связей между носителями конкретных археологической культуры и «племени»

¹⁴ По мнению А. А. Шахматова, вставка из Речи Философа.

¹⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 359.

отсутствуют. Из этого может следовать только одно логичное умозаключение: летописные упоминания о более или менее компактно проживающих «полянах», «северянах», «древлянах» и прочих «племенах» — скорее, летописная легенда, нежели описание реальных восточнославянских сообществ. А упорное стремление опираться на столь ненадежную информацию в конкретно-исторических реконструкциях — следствие, с одной стороны, нежелания отказываться от давно сложившейся и продолжающей безраздельно бытовать историографической традиции, в основе которой лежит «наивный историзм» в работе с летописной информацией. С другой стороны, как отмечают археологи, без «летописных историко-географических ориентиров», «пользуясь только данными археологии, определить совокупность специфических проявлений культуры того или иного “племени” намного сложнее»¹⁶. Вопрос, однако, в том, существуют ли реально эти «специфические проявления культуры» в археологических источниках, либо попытки выявить их — следствие ложной исходной посылки, что они должны быть на той или иной конкретной территории.

Обращение к трудам археологов заставляет склониться ко второй точке зрения.

Попытки привязать археологический материал к летописным свидетельствам вряд ли можно признать удачными.

Так, А. А. Спицын, изучавший находки на территории, которую, по данным «Повести временных лет», занимали поляне, заключил, что обряд погребения и вещи, найденные там, «указывают на полную аналогию полянских курганов с одновременными волынскими и древлянскими»¹⁷. Если Ю. В. Готье приписывал полянам исключительно погребения с трупосожжением¹⁸, то Б. А. Рыбаков¹⁹, Е. И. Тимофеев²⁰ и И. П. Русанова²¹, напротив, — с трупоположением в подкурганных ямах, тогда как В. В. Седов полагает: «нельзя считать курганы с захоронениями в ямах этноопределяющим признаком полян», подобным «этноопределяющим височным украшениям кривичей, вятичей, радимичей и других племен».

¹⁶ Толочко П. П. Древнерусская народность. С. 68.

¹⁷ Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. № 8. С. 323.

¹⁸ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 239–240.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // СЭ. 1947. № 6–7. С. 95–105.

²⁰ Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. 1961. № 3. С. 67–72.

²¹ Русанова И. П. Курганы полян X–XII вв. // Свод археологических источников. М., 1966. Вып. Е1–24.

«Для определения границ ареала полян необходимо использовать иные особенности их курганов, — отмечает исследователь. — Такой деталью, свойственной исключительно полянским погребальным насыпям, является глиняная подмазка, на которой разжигали костер и помещали остатки трупосожжения». И тут же неожиданно добавляет: «Курганные захоронения VI–VIII вв. в ареале полян полностью отсутствуют. По-видимому, в то время славянское население Киевского правобережья хоронило умерших в бескурганных могильниках по обряду трупосожжения». Последнее предположение, впрочем, ничем не подкрепляется, поскольку «подобные могильники здесь до настоящего времени не найдены». Остается только догадываться, как можно выделить полянские курганы по глиняной подмазке для костра, если полянские погребения были, по мнению В. В. Седова, грунтовыми. Что же касается последующего периода, то, оказывается, для полян IX–X вв. вообще характерны были как кремация, так и ингумация²². Таким образом, для полян трупосожжение вообще не может являться определяющим признаком... Так что прав П. П. Толочко, обобщивший результаты многолетних попыток установления корреляции между конкретным археологическим материалом и летописными свидетельствами о полянах и вынужденный в конце концов признать «особенные трудности» в определении «этноопределяющих материальных черт материальной культуры полян». Впрочем, продолжает автор, «аналогичные трудности возникают перед исследователями при определении археологической специфики ряда других регионов». Оказывается, однако, что «даже такой универсальный этноопределитель, как височные кольца, и тот не всегда гарантирует правильность определения “племенной” принадлежности территории. На его основании очень сложно размежевать хорватов и тверцев, волынян и древлян, древлян и дреговичей»²³. Стойт отметить и то, что, скажем, «характерные для вятичей семилопастные височные кольца» датируются XII–XIV вв.²⁴, временем, которое на несколько столетий отстоит как от «вятичей», упоминаемых летописцем, так и от времени создания самой «Повести временных лет». Причем, если для владельцев семилопастных колец были характерны погребения с трупоположением, то для летописных «вятичей» — с трупосожжением (хотя и не по тому обряду, который описан летописцем)²⁵.

²² Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 107–108 (курсив мой. — И. Д.).

²³ Толочко П. П. Древнерусская народность. С. 68–69.

²⁴ Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930. С. 49–55, 136–137.

²⁵ Седов В. В. Восточные славяне. С. 143–148.

Так что и такой специфичный, по мнению В. В. Седова, «этноопределитель», как височные кольца, на поверку оказывается не вполне надежным.

Оказывается, археологические культуры, которые в рамках существующей традиции должны принадлежать одному и тому же «племени», на самом деле неодинаковы. Так, скажем, материальные источники, оставленные полоцкими и псковскими «кривичами», различны. Зато на этой же, «кривичской», территории они местами «бытуют вперемешку с радимическими курганными древностями»²⁶, а по всему периметру летописного «расселения» дреговичей археологические находки, приписываемые им, перемежаются «кривичскими», «радимическими» и «словенскими» (на севере)²⁷, «древлянскими» (на юге) и «полянскими» (в междуречье Днепра и Припяти) древностями. В то же время «дреговические» материалы оказываются на «древлянской» территории. «Волынские» земли были населены носителями сразу двух археологических культур: корчакской и луки-райковецкой²⁸, а «северянские» — носителями роменской, боршевской и волынцевской археологических культур²⁹. Наконец, здесь же, среди археологических культур, связанных, как считает подавляющее большинство исследователей, с восточными славянами, прослеживаются следы расселения и неславянских племен: балтских и финно-угорских³⁰.

Поэтому весьма убедительно выглядит следующее заключение: «Ни на региональном, ни на общевосточнославянском уровне этно-консолидационные процессы этого времени не обрели четких и завершенных форм. Летописные «племена» не представляли собой вполне определившихся этнотERRиториальных и социальных образований. Этого нельзя сказать даже о группах племен, культурные особенности которых были едва различимы, а границы достаточно размыты и подвижны... Практически ни одно «племя» не вписывается в позднейшую этнотERRиториальную структуру»³¹. Тем не менее и историки,

²⁶ Толочко П. П. Древнерусская народность. С. 70.

²⁷ Седов В. В. Восточные славяне. С. 116.

²⁸ Толочко П. П. Древнерусская народность. С. 69–70, 72, 77.

²⁹ Седов В. В. Восточные славяне. С. 133–138.

³⁰ Кстати, как отмечает В. В. Седов, «племенное название северян (в летописи часто «север») по происхождению явно неславянское. Наиболее вероятным представляется мнение об иранском происхождении этого этнонима... По-видимому, северами первоначально именовалась племенная группа ираноязычного населения, обитавшая в днепровском лесостепном левобережье» (Седов В. В. Восточные славяне. С. 138).

³¹ Толочко П. П. Древнерусская народность. С. 81.

и археологи продолжают с завидным упорством опираться на летописные рассказы о расселении восточнославянских «племен».

Ситуация усугубляется еще и тем, что большинство упоминаемых в древнерусском летописании «племен» оказывается связанным не только с восточными славянами.

Еще в середине позапрошлого века П. Й. Шафарик обратил внимание на то, что упоминаемые в «Повести временных лет» названия восточнославянских племен имеют параллели у других славянских народов: «Так, в этот период встречаем мы Славянских народов, называющихся одним и тем же именем, в разных, довольно отдаленных, краях, напр. Полян на Висле и Днепре, Славян на Ильмене, под Татрами, в Мизии, и Хорутании, Бодричей на Одре, верхней Тисе и нижнем Дунае, Хорватов в Галиции, Кърконошах, Германии, Хорутании и Далматии, Древлян на Руси и Лабе, Дулебов на Руси, в Чехии и Панонии, Дреговичей на Руси и Македонии, и т. д. Судя по тождеству их названий, можно полагать, что они были одного и того же рода; но в самом ли деле были, этого по недостатку в исторических свидетельствах и памятниках языка нельзя никак утверждать, потому что очень возможно, что многие из этих названий, как местные, напр. Древляне (*Sylvani*), Поляне (*Campani*), Хърваты (*Montani*), и др., кажутся только случайно сходными»³².

Это замечание было развито М. П. Погодиным, который писал: «В сочинении Шафарика вы найдете комментарии на слова Несторовы и увидите, что многие племена наши, по крайней мере, своими именами, представляют единство с племенами, рассеянными в прочих частях Европы; наши имена встречаются там, или тамошние у нас: *Словене* на Ильмене, и в Словении, близ Адриатического моря. *Хорваты* в Галиции и в области Краковской, в Исполинских горах, в Полабье, в Штирии и Иллирии. *Дреговичи* между Припятью и Западной Двиной, и в Булгарии, в Германии. *Дулебы* по Бугу и в Чехии, Паннонии. *Древляне* в Волыни и Полабье. *Северяне* по Десне, Семи, Суле и в Польше, по Дунаю. *Поляне* на Днепре и Висле. Имена сих и прочих племен встречаются также в разных собственных именах по всем Славянским странам. Рассматривая эти имена на Славянской ландкарте, ясно видишь, что было когда-то время всеобщего движения Славянских племен, подобное Немецкой переставке, и невольно сравниваешь их с перетасованной колодою карт, — из коей, прибавим, все масти в обилии достались на долю России»³³.

³² Шафарик П. Й. Славянские древности / Пер. с чешского О. Бодянского. М., 1847. Часть историческая. Т. 2. Кн. 1. С. 77–78.

³³ Погодин М. М. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. Изданы Императорским Московским Обществом Истории и

К сожалению, подобным наблюдениям не придали серьезного значения, и они не получили продолжения в последующей историографии. Летописные сведения о восточнославянских «племенах» и их расположении на карте Восточной Европы подавляющим большинством исследователей воспринимаются как вполне достоверные и, как это уже было показано, кладутся в основу практически всех историко-географических построений. Между тем проблема остается. Рассмотренные выше несоответствия и параллели заставляют задуматься над тем, имеем ли мы в данном случае дело с некоторыми реалиями (и тогда следовало бы проследить соответствия в археологических материалах, связанных с «этнонимами», повторяющимися в разных странах), либо с неким пластом общеславянских преданий, отголоски которых прослеживаются в ранней письменной истории славянских народов (на что, в частности, могут указывать некоторые детали «этимологии» этих названий, приведенные летописцем). Ответ на этот вопрос требует специального исследования, без которого использование летописного сообщения о расселении восточнославянских племен представляется некорректным.

Древностей Российских. М., 1846. Т. 2: Происхождение Варягов-Руси. О Славянах. С. 386–387 (ср.: Погодин А. Л. Из истории славянских переселений. СПб., 1901. С. 143).

Сведения об авторах

Арутюнова-Фиданян Виада Артуровна, д.и.н., в.н.с.
ИВИ РАН

Варьяш Ирина Игоревна, к.и.н., доцент, зам. зав. кафедрой
истории средних веков Исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Гимон Тимофей Валентинович, к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН
Глазырина Галина Васильевна, к.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

Данилевский Игорь Николаевич, д.и.н., гл.н.с. ИВИ
РАН, проф. Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Джаксон Татьяна Николаевна, д.и.н., гл.н.с. ИВИ РАН

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., в.н.с. отдела исто-
рии Востока ИВ РАН, н.с. лаборатории истории
политической культуры Факультета политологии
МГУ им. М. В. Ломоносова

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологии,
гл.н.с. Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
им. Д. С. Лихачева

Замятина Надежда Юрьевна, к.г.н., в.н.с. Географиче-
ского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Калинина Татьяна Михайловна, к.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

Каштанов Сергей Михайлович, д.и.н., чл.-корр. РАН,
гл.н.с. ИВИ РАН

Кириллова Екатерина Николаевна, д.и.н., ученый
секретарь ИВИ РАН

Мельникова Елена Александровна, д.и.н., зав. центром
ИВИ РАН

Назаренко Александр Васильевич, д.и.н., гл.н.с. ИВИ РАН;
зав. сект. ИРИ РАН

Подосинов Александр Васильевич, д.и.н., гл.н.с. ИВИ РАН;
проф. РГГУ; зав. кафедрой древних языков Исторического ф-та
МГУ им. М. В. Ломоносова

Стрелецкий Владимир Николаевич, д.г.н., доцент,
в.н.с. Института географии РАН; зам. глав. ред. журнала
«Известия РАН. Серия географическая»

Фролов Алексей Анатольевич, к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Чекин Леонид Сергеевич, д.г.н., в.н.с. Начально-исследовательского
центра «АИРО-XXI»

Чубарьян Александр Оганович, д.и.н., проф., академик РАН,
директор ИВИ РАН

Шукров Рустам Мухаммадович, д.и.н., доцент Исторического ф-та
МГУ им. М. В. Ломоносова

Щавелев Алексей Сергеевич, к.и.н., н.с. ИВИ РАН